

ВОЛШЕБНАЯ ПРОСЬБА

Постаревший, отъевшийся, важный,
Я однажды сюда загляну,
Где твой маленький дом двухэтажный
С той рябиной, припавшей к окну.

Где твой лик, обольстительно дерзкий,
Завлекая в пространства зеркал,
То по-взрослому строгий,
То детский
И капризный —
Мне долго мелькал.

Чем пленила ты, приворожила,
До сих пор не пойму, не решу,—
Но мечталось:
Коль встречу я джинна,
Об одном у него попрошу:

«Я, Хоттабыч, иметь над любимой
Не желаю волшебную власть.
Поменяй нас местами с рябиной,
Чтоб к заветным окошкам припасть!

Все равно я сюда, как на смену,
Прихожу, когда все уже спят.
Все равно
Я признаться не смею,
Как рябина, краснея до пят...»

ПИОНЕРСКИЙ РОМАН

Тане

Боже мой, как нравилась ты мне!
Но судьба вожакою суровой
Не лицом к лицу — спиной к спине —
Нам два места выбрала в столовой.

Вроде бы мы рядом, но,— увы! —
Помню, как отчаянье пытало
Тем, что глаз прекрасных синевы —
Мне налюбоваться — не хватало!..

И когда в столовку прибежал,
Я, поверь, не думал об обеде,
Ждал тебя — и стул свой подвигал,
Чтоб на свой ты села, словно леди!

Весь отряд смеялся надо мной
За мои галантные вставанья,
Но я словно чувствовал спиной,
Как ты благодарна за вниманье!..

Боже мой, как нравилась ты мне:
Я не мог тобой налюбоваться!
Но сидели мы спина к спине —
Видно, случай любит издеваться!

Вот и весь наш лагерный роман —
Детский, но пленительный и дерзкий.
Вспоминаю, сев на свой диван —
Греет спину галстук пионерский!

ФЛЕЙТИСТКА ИЗ ЧЕРТАНОВА

...И нежность вспыхнет заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

Как звать: Аленой, Светою? —
Не скажет мне она,
А скажет лишь, что флейтою
Всерьез увлечена!

И что шедевр Баженова
И грусть дворцовых ив —
Рождают в ней божественный
Лирический мотив!

Не дева — каша манная!
Но сердце упадет,
Когда под ручку с мамою
К метро она пойдет.

И все начнется заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

ПОКА МЫ С ВАМИ НЕЗНАКОМЫ

Есть у мечты свои законы —
В один из них я посвящен:
Пока мы с Вами незнакомы,
Я очарован, я — смущен.

Я начинаю заикаться,
Не веря собственным глазам,
Что нищ мой мир классификаций:
Ваш лик — подобен образам!

Я встречи новой, неслучайной,
Ищу, как праздника, уже:
Ваш голос музыкой венчальной
Священнодействует в душе...

Прощу Вам колкую улыбку,
Легко солгав, что по пути,
И буду сумку, словно скрипку,
До дома бережно нести.

И в майский час, когда мы вместе
Идем к метро по январю,
Вам подарю охапки лести
И три тюльпана подарю!..

Пока мы с Вами незнакомы,
Мне Богом, кажется, дано
Благоухание балкона,
Где Ваше светится окно,

И вечер с трепетною тайной,
Сюжет загадочно-любой,
Где звать Вас — Музой или Таней,
Где звать Вас — Ольгой иль Судьбой...

БЕЛАЯ НОЧЬ

Никогда-никогда
со щеки
белой ночи твоей не сотру,
Белый город,
где чайки будили меня поутру.
Где вставал я с подушки,
пропахшей духами горячими той,
Что так щедро делилась
и кровом своим, и мечтой.

Чудо гостеприимства!
С базара арбуз и янтарные капли айвы.

И душа — нараспашку.
И только любовью она не делилась, увы!
И пока до рассвета
черный кофе я свой допивал —
О другом, о любимом она говорила,—
и я ей советы давал...

Никогда-никогда не остынет
черный кофе тех белых ночей,
Никогда-никогда
черный хмель ее белых плечей
Безвозвратно не канет —
и станет являться во сне,
Где подушка кричит,
белой чайкой паря в белизне!..

ЗЕРКАЛА

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
В этом городе и мире,
где не встретили друг друга,
Ты была моей мечтою,
ты надеждою была.

И антракт уже кончился —
жизнь дошла до середины,
И когда устал я верить,
обнимая пустоту,
Пошептались мрак со светом,
и зеркальные глубины,
Перебрав свои запасы,
вдруг явили мне мечту!

Я не знаю, что мне делать
с неожиданным подарком:
Страстью, дочкою, подругой
и мечтою, что искал,—
Что вдруг стала мне всем сразу!
И тревожно в мире ярком
Щедрых пьес и карнавалов
и смеющихся зеркал.

ЧТО МЕЖ НАМИ, МЕЖ ДВОИМИ

Что меж нами, меж двоими —
Разве кто-нибудь поймет?
Я шагну лишь — Ваше имя
Снег опять поет, поет!

Он ложится, словно гравий
Между нами в топь разлук...

Ни письма, ни фотографий.
Только имя Ваше вдруг!

Только грустное свечение
Звезд — замерзших Ваших слез.
Только кисти Боттичелли
Лик Ваш в пламени волос!

СЛАЛОМ

Вкусный жар шашлычных печек.
Звон серебряных уздечек.
Остроумный блеск словечек,
что роняла на бегу.
Массовик наш, наш затейник,
ненаглядный человечек,
Расставляй цветные кегли
на заснеженном лугу!

Будь судьбою и пророком
в споре сладком и жестоком,
Пусть по всем моим дорогам —
кеглей тех цветочный плен!..
И помчусь я, как мальчишка,—
поскользнуться ненароком
И коснуться милосердной
теплоты твоих колен.

Отдаю! — Другому слава,
и призывы, и крики: «Браво!»,
А упавшему — отрава
снисходительных реприз.
Но зато испуг твой тайный,
будто поздняя отава,
Засверкает из-под снега —
вот он, вот мой главный приз!..

За Уралом, за Аралом,—
как бы мною ни играла
Жизнь моя,— шутливый слалом
тот запомнится навек!
И твое: «Тебе не больно?!»,
и как сердце обмирало:
«Что нашло? Что потеряло?» —
у твоих цветочных вех.

ДОМИК ТВОЙ

Будто старичок подслеповатый,
Вот же он, четвертый от угла,

Домик голубой, где ты когда-то
Маленькою девочкой жила.

Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:

Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду.

Вы храните, милые, храните
Даже гвоздь, где вешали белье,
И тяните, бережно тяните
Нити снов безоблачных ее.

Тает лет шагреновая кожа.
Нождемся, может быть, мы дня —
Рассказать все той, что так похожа
Будет на нее и на меня.

ССОРА

В щели, в форточки сквозные
Тянет сыростью, дымком.
Листья, красные, резные,
Залетают на балкон.
Ты ушла и не сказала:
Убирать — не убирать.
Будто яблоки с базара,
Листьев огненная рать.

Лишь вчера мы покупали
Эти яблоки с тобой
И друг другу уступали:
«Сорт, пожалуйста, любой
Выбирай, моя родная!» —
«Лучше ты! Что любишь ты?..»
Как мои воспоминанья,
Кружат красные листы.

Видно улицу из окон,
Но прохожие редки.
В нашем доме одиноком
Тишина и сквозняки.
И тоска.
И мухи злые —
Злым словам твоим под стать...
Листья, красные, резные,
Продолжают залетать...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег, ты бледен от испуга:
Свою судьбу ты знаешь наперед,
Но этого сверкающего луга
Никто у нас пока не отберет.

Любимых щек прощального пожара,
Прощального холодного кивка
Единственной, что мне принадлежала,
Не отберет никто у нас пока.

Не отберут отчетливо вонзенных
Следов ее, что светятся, дразня,
И слов ее немножечко казенных,
Жалеющих: «Мы все-таки друзья!» —

Не отберут. По-своему побелим,
Хотя б на миг прощанье отдалить,
И хмурый лес, и улицу, и берег —
Да милых глаз никак не забелить!

Им для другого хочется расставить
Своих ресниц капроновую сеть,
А нам пора, наверное, растаять
И на плечах обузой не висеть.

Пора понять, что уличным потоком
Нам завтра течь в ближайший водоем.
Зачем же мы с надеждою жестокой
Стоим и умираем на своем?..

ПОДРУГИ

Вы всегда ходили парой
В парке, где гулял и я.
Что вы — Танечка с Тamarой —
Рассказали мне друзья.

Сразу стало им заметно,
Как смотрю я вам вослед,
Ибо сами безответно
Вас любили много лет.

Вряд ли, милые подруги,
Удивит вас эта весть —
Ведь любить вас
В нашем круге
Почитали мы за честь!

А не любишь —
Значит, болен,

Детский сад и первый класс,
Не доросший до любви,
До такой вот, как у нас...

Но для вас, наверно, тайна,
Что почти полсотни лет,
Вы — Тamarочка и Таня —
Круга нашего цемент!

Что улыбки вы — на лицах
И лекарство от морщин,
Что вы — притча во языцех
Все издевавших мужчин.

Что, коль молвит
Друг наш старый
С пылким сердцем пацана:
«Гост — за Танечку с Тамарой!» —
Мы встаем и пьем до дна.

Не вдаемся мы в детали,
Вас подняв на пьедестал,
Кто — о Томе,
Кто — о Тане
Ранней юностью мечтал.

Нам теперь уже не важно
У кого кто был в чести —
В юность ведь, как в реку,
Дважды,
Как ни пробуй, не войти.

И для нас уже навеки,
До последнего глотка,
Не отдельные вы реки —
Наша общая река,

Наша «Танечка и Тома»,
Что сумели мы сберечь, —
От смешного до святого
Продолжающая течь!..